

жать утверждать, что большевики отказались от своей цели мировой революции и стали защитниками демократии, олотом мира?

Поистине Бог отнимает разум у того, кого хочет казнить!

Чтобы понять исключительную жгучесть новой «международной песни» Сталина-Литвинова, достаточно прочитать огромную резолюцию последнего, VII конгресса Коминтерна, эту обязательную инструкцию для всех компартий мира. В ней говорится, в силу каких «основных изменений в мировом положении» они, не меняя своей основной цели, не отказываясь от своей мировой революции, вынуждены принять новую тактику «единого фронта».

Только большевики могут быть такими шипичными и только безнадежные европейские либералы и политические прохвосты могут закрывать глаза на такую провокационную работу большевиков.

В этой резолюции дается подробная инструкция мировому пролетариату, — где, когда, в какой стране, какой метод, какую тактику применять для разложения существующего государственного порядка.

— «Не ограничиваясь только призывами к борьбе за пролетарскую диктатуру, коммунисты должны указывать массам, что им делать сегодня. Они должны путем совместных действий рабочих организаций добиваться мобилизации масс вокруг программы таких требований, которые рассчитаны на действительное переложение последствий кризиса на плечи господствующего класса»...

Яснее сказать нельзя: всеми силами поднимать массу против господствующего класса, т. е. готовить всюду гражданскую войну, прямо ведущую к диктатуре пролетариата!

— «В колониальных и полуколониальных странах

(во французских колониях тоже! С. С.), — читаем мы в этой резолюции, — важнейшая задача коммунистов состоит в работе по созданию антиимпериалистического народного фронта. Для этого необходимо вовлечь широчайшие массы в национально-освободительное движение против растущей империалистической эксплуатации, за изгнание империалистов, за независимость страны» (например, Индо-Китай, Африка! С. С.)

Вот главная цель и смысл новой тактики большевиков о «едином фронте»: при помощи либералов, социал-демократов, второго интернационала и разных рабочих организаций, поднять и вовлечь широчайшие народные массы в европейских государствах против существующего порядка и поднять колониальные народы против колонизаторов!

— «Установление единого фронта рабочего класса — это решающее звено подготовки трудящихся к предстоящим великим боям второго тура пролетарских революций... за диктатуру пролетариата и власть советов!»

Если мы сопоставим этот обязательный приказ для мировой коммунистической армии с реальной работой компартии — чешские подземные аэродромы и легион III Интернационала, — то станет совершенно ясным, что у большевиков слово с делом не расходится.

Также не подлежит никакому сомнению, — кто останется в дураках в результате нынешнего совершенно неестественного либерально - коммунистического брака: либералы-ли, играющие роль большевицкого трамплина, или коммунисты, так искусно танцующие на их спинах?

Но, повторяем, Бог отнимает разум у того, кого хочет казнить!

С. СЕРГЕЕВ.

Новороссийск

(Воспоминания рядовых казаков 3-го Калмыцкого и Зюнгарского полков ВВД).

I.

Мартовское бессильное солнце скрывалось за горными хребтами и холодный предвечерний ветер пронизывал нас сквозь сукно шинелей, когда командир 3-го Калмыцкого полка, во главе полка, подходил к Новороссийску. В эту минуту еще ничто не предвещало нам рокового конца и мы бодро и с верой пронызывали щелями наших узких глаз пространство в сторону моря...

Я не буду здесь говорить о том, свидетелями скольких трагедий наших беженцев мы бывали, которых с одинаковым успехом обижали и белые, и красные, и зеленые, и... что большее всего... даже казаки. Не могу только умолчать о том, как одна наша молоденькая калмычка, выбиваясь из сил, задыхаясь, бежала с ребенком на руках, а потом посадила этого ребенка в дорожных кустах и бежала дальше.

Полк втянулся в город. Раздалась команда есаула Абушинова — «Рысью!» Наши исхудалые и обесцененные кони напрягли последние усилия, подынаясь нашим каблучком. Над штабом полка, кодыхаясь, развевался наш священный, золотисто-желтый флаг, свидетель многих боев.

Вот, наконец, подъехали к пристани... На море ни единого судна! На пристани беспорядочная кишмя кишящая людская масса, заброшенная командованием на произвол судьбы. Видны калмыки, казаки, разнородное

II.

В тот час, когда тысячи калмыков поняли, что выхода нет и над всеми нами повисла смерть, едва ли не в единственном числе Манжик Малазанович Экингов

беженство, одиночные военные.

Быстро присоединив к лодку 100 человек черкесов, наш полк на рысках пошел вдоль Черного моря на восток. На следующий день на склонах горы, мы заняли кровавый бой с зелеными (или красными), отрезавшими нам путь.

Это то роковое место, откуда наш командир полка, полковник Николай Павлович Слюсарев, уверив нас, что спасение придет, покинул нас, сел на лодку, чтобы подать нам пароход... Боже!.. Как нам было горько чувствовать, что нас, используя до последней минуты нашу кровь, выделили и бросил на съедение зверям. Как горько было разочаровываться в нашем командире, которого мы почему-то считали не способным покинуть нас. Не приведи Бог кому пережить такие минуты...

На могилах моих полковцев давно выросла трава. В изгнании в тяжелой борьбе за жизнь, позабыты те сотни молодых калмыков, которые, защищая общее дело до последней минуты, были предательски брошены командованием белой армии. Только не можем забыть их мы, калмыки 3-го полка, в одиночку чудом выжившие и виденные своими глазами смерть наших братьев. Часто вспоминаю я их среди друзей, и воздвигаю им памятник из живых слов.

Франция.

И. МИХАЛИНОВ.

предпринял попытку спасения своих братьев от дикого самосуда красноармейцев.

Так как он незадолго перед тем вернулся из Гер-

манского плена и в войне с большевиками участия не принимал, то он смело бросился искать какой-либо штаб красноармейской части. Через некоторое время, когда уже многие наши калмыки валялись трупами по набережной и по улицам, наш Манжик Малзанонич появился в сопровождении комиссара, командира батальона Громова, с поручением собрать всех калмыков для зачисления в красную армию.

Вмиг более 300 человек калмыков собрались вокруг Манжика Эмкинова и Громова. Наш Манжик был уже на оседланном коне и смело отдавал распоряжения. По дороге в главный штаб встречает нас какой-то комиссар Васильев и обращается к Громову: «Куда ведешь этих калмычков?... Давай их сюда!» и объясняет, что в тот район погнали столько калмыков, а в тот район погнали столько для расстрела, приказано мол, расстреливать по разным районам.

На это комиссар Громов отвечает, что он имеет точное приказание — привести нас в главный штаб для зачисления в армию. Слово за слово комиссары начинают сориться, Васильев вытаскивает наган, вытягивает револьвер и Громов. Молчим в душе за «нашего» Громова, чтобы он отстоял наши головы. Наконец, Громову удается нас отстоять и мы двинулись дальше. Но на горе встречается с нами отряд красных кубанцев, которые, не говоря худого слова, с криками: «Эх, вы, новые казаки!» — начинают с краю рубить нас. Много трудов стоило Громову прекратить их рубку. Не знаю, сколько, но много тут полегло. Три часа потребовалось, чтобы Громов и Эмкинов,

спасая нас от всяких охотников рубить, привели нас в штаб. Прибыли все в нижнем белье, так как по пути нас чаще всего останавливали красноармейские части и раздевали.

В штабе нас посчитали и приписали к 189 пехотному полку и разделили по ротам. На другой день нам выдали обмундирование. В апреле месяце отправили нас из Новороссийска в Новочеркасск. Шли пешком порядком. Переход этот тоже стоил многим из нас жизни — как только какой калмык отставал хотя бы на пять-шесть шагов, конвойные тут же зарубали и бросали по дороге.

Из Новочеркаска отправили наш полк на Польский фронт, где в составе нескольких казачьих полков (тоже, большей частью из новороссийских пленных) перешли на польскую сторону. Мы, калмыки, служили в армии генерала Булак-Балаховича, в Донском казачьем полку полковника Геннадия Духопельникова, в 5-й сотне. Всех калмыков тут было больше 100 человек, бывшие эсэнарцы или 3-го Калмыцкого полка Донской армии.

Хотя и были мы дважды преданы нашими начальниками (казачьими и добровольческими), хоть и надломлена была вера в совесть и честь человека, хоть и убит был наш дух, но воевали обратно с красными не хуже других. Некоторые получили даже боевые отличия. Я лично имею боевое отличие «Валечный Крест». Ныне нас в Польше около 20 человек. Остальные разновременно вернулись.

ЛЕОН МОНТУЕКОВ,

Польша,

«Снижение культуры» или му йор?

Довелось мне слышать последний доклад русского эмигрантского «папы» П. Н. Милюкова, вернее, злобный лепет беззубого «демократического начетчика»; довелось мне быть свидетелем, как «демократические» чекисты из РДО, успешно конкурируя со своими красными двойниками, умеют закрывать рот и в ударном порядке насильно выволакивать с трибуны неугодного им оратора.

Какое неприятное, дух уташающее действие произвело это проклятое причитание, какое отталкивающее впечатление произвела эта физическая расправа со своим политическим противником этих русских «демократов», «защитников» свободы слова!

Очевидно, физическая расправа — признак пониженной культуры.

Очевидно, двухчасовое старческое скрипение (скрипел, чтобы решительно ничего не сказать!) есть вершина «общечеловеческой» культуры. Но то, что говорил Милюков, в просторечьи, называется впадением в детство.

Впрочем, удивительно-ли, что человек в 80 лет упал в детство и стал рассказывать явные небылицы? Как не назвать несуразностью его объяснение огромного духовного процесса пробуждения и утверждения национального чувства, сознания во всем мире... «снижением культуры»? Как иначе назвать его категорическое утверждение, что вне демократии нет культуры? Как иначе расценивать его «воступать», что все, что не вкладывается в демократический табулат, есть от средневековья, от варварства? Чем иным объяснить, как не старческой слепотой (иносказательно и буквально), его утверждение, что все зло в современном мире исходит от современных Италии, Германии и Японии? И, наконец, чем иным объяснить, как не детством, его надежды на возвышение культуры, на укрепление демократии в результате «того огромного процесса», какой ныне происходит в СССР («стажипроци-

на» и т. д.), для успешного развития которого, по мнению Милюкова, «Сталин — самый подходящий человек»?

Много словоблудий нам приходилось слышать за годы эмиграции. Много «обезьяньих штук» мы видели за это время, но, кажется, Милюков, на старости лет может дать много очков всем.

И живут такие! Умирать имше! И странное дело, эти люди, цепляющиеся за фалды «самого подходящего человека», Сталина, на своем собрании вставанием почтким паязят невольно умершего английского короля Георга V. Хотя возможно что они это сделали исключительно по тем «соображениям», в силу коих на королевские похороны приехал и Литвинов, на руках которого еще не засохла кровь двоюродного брата Георга V — русского императора Николая II и его семьи.

Итак, низкий поклон английскому королю и «земно кланяюсь Сталину I! В этом двуличии, якобы, и заключается работа по возвышению общечеловеческой культуры, нравственного уровня!»

Вспомнил я, как «П. Н.» посвящали трогательные статьи памяти трагически погибшей бельгийской королевы Астрид, этой матери троих детей, верной помощницы своего венценосного супруга, любимицы всего народа — красивой женщины, примерной матери, достойной королевы и просто жизнерадостного, доброго человека.

Правда, даже в наше время, полное всевозможными индивидуальными и массовыми несчастьями, даже в эпоху, когда человеческие чувства пригнаны безмерными насилиями и потоком человеческой крови, так легко проливаемой как подонками человеческого общества, так и изуверской властью огромного государства, когда мораль большинства людей приняла свойство двойной бухгалтерии, совесть основательно заснула, жалость к страданиям других пропала, — даже в такое «смутное» время трагическая и бессмыслен-